

Е.Г. ЯСИН

Слово о Гайдаре

Гайдар-реформатор рассматривается в статье как равновеликая фигура в ряду других выдающихся реформаторов XX в. – Л. Эрхарда, М. Тэтчер, Л. Бальцеровича, Дэн Сяопина.

Ключевые слова: Гайдар, экономические реформы, экономика и политика.

Egor Gaidar is considered as an innovator equal to such prominent reformers of the XX century as L. Erkhard, M. Thatcher, L. Baltcherovitch, Djan Sia Pin.

Keywords: Egor Gaidar, economic reforms, economy and politics.

Е. Гайдар, сыгравший роль лидера российских рыночных реформ, вошедший благодаря этому не только в национальную, но и в мировую историю, и после безвременной смерти остается объектом неприятия и поношения. Люди не понимают суть случившегося со страной в конце XX в. или пытаются дать ему наиболее комфортные для себя трактовки, в частности оправдывающие их собственные действия в тот критический период. А между тем в новейшей истории на ниве политической экономики я могу вспомнить не более четырех-пяти человек, которые по калибру приближались бы к Гайдару. Под калибром я имею в виду масштабы последствий, вызванных их решениями в судьбах своей страны и мира. Это Л. Эрхард, М. Тэтчер, Л. Бальцерович и Дэн Сяопин. За каждым из них очевидный успех, обусловивший и обретенную ими мировую славу. У Гайдара успех тоже был и, главное, будет. Только прошло слишком мало времени...

Дэн не был подлинным реформатором, он был прагматиком, ясно понимавшим, что Мао Цзэдун вел страну к пропасти. В годы правления последнего Дэн сумел выжить и сохранить влияние, позволившее убедить товарищей, что нужно, наоборот, страну от пропасти оттягивать, дать китайскому крестьянину свободу, как когда-то В. Ленин дал русским крестьянам продналог вместо продразверстки, им же введенной. И вот Китай 30 лет растет, поднимая славу Дэна. (Кстати, слава Ленина, когда затеянный им эксперимент привел к краху, несколько поуявля, хотя когда-то его славили намного больше.)

Тэтчер и сейчас в Великобритании многие недолюбливают, хотя она реально перевела страну с наклонной плоскости, по которой она катилась, на путь успешного развития. Тэтчер приняла ее в момент, когда по душевому ВВП Соединенное королевство, бывший локомотив капитализма, опустилось ниже Италии. Были реализованы жесткие меры, угольная промышленность подверглась приватизации, а потом почти исчезла. Но перед кризисом 2008–2009 гг. Великобритания по тому же ключевому индикатору снова опередила Германию и Францию. А премьер Э. Блэр, будучи лейбористом, по сути продолжил политику Тэтчер и консерваторов. Я не ставлю рядом с ней Р. Рейгана, потому что он только воспринял либеральные идеи других: так я мог бы вместо Гайдара писать о Б. Ельцине.

Л. Бальцерович – вице-премьер и министр финансов в первом посткоммунистическом правительстве Польши – автор “шоковой терапии” (поляки, кстати, называют ее “лошадий терапией”). По сути, это была просто весьма жесткая политика борьбы с инфляцией в условиях экономики, пустившейся впасть к рынку. К чести польских коммунистов, прежде всего последнего коммуниста – премьера М. Раковского, следует сказать, что именно они осенью 1989 г. либерализовали цены, облегчив задачу Бальцеровичу. Ни Раковского, ни Бальцеровича никто особо не благодарил за содеянное. Затем на место Бальцеровича пришло левоцентристское правительство, и его экономический лидер Г. Колодко громил Бальцеровича и его коллег, доказывая, что это он дал Польше экономический подъем. Но все профессионалы понимают, что своими успехами он обязан Бальцеровичу.

Эрхард – экономист и политик, по масштабам реализованных решений, на мой взгляд, ближе всех стоящий к Гайдару. Потому что он, как я понимаю, лучше других политиков ощущал силу связки основных рыночных институтов – свободных цен, финансовой стабильности и частной собственности. Он принадлежал “фрайбургской школе”, где те же идеи проповедовали В. Ойкен и другие теоретики “конкурентного порядка”. Но главная заслуга Эрхардта состоит в том, что он, вопреки запрету американцев, оккупировавших тогда Западную Германию и требовавших ограничиться только финансовой стабилизацией, либерализовал цены. Стабильные финансы и свободные цены – вот секрет его успеха, ставшего очевидным через пять лет. А частную собственность у них никто не отменял. Согласитесь, его задача была несколько легче, чем у Гайдара. Все эти люди по достоинству оценены и у себя на родине, и в мире.

А что же Гайдар? После его кончины появилось несколько публикаций и выступлений, посвященных его заслугам. Но были и выступления противоположного свойства, пытавшиеся умалить его роль или даже приписать ему вину за все беды России. Летом 2010 г. я сам присутствовал на записи телевизионной передачи, где бывший вице-президент России А. Руцкой с видом оскорбленной справедливости заявил, что держал в руках постановление правительства, подписанные Гайдаром, которые представляли тем или иным лицам и компаниям квоты на вывоз нефти, а потом не мог найти, куда девалась выручка от этой нефти. На вопрос, считает ли он на основании этих документов, что Гайдар присвоил всю или часть этой выручки, Александр Владимирович проявил недюжинную гибкость мысли и не ответил прямо – да, считаю, но дал понять, что иначе невозможно объяснить исчезновение денег. А воспользовавшись этими рассуждениями, С. Кургинян, игравший с Руцким в одной команде, с пафосом обращался ко мне – но ведь это преступные, криминальные документы? Все наше криминальное государство от Гайдара!

Я даже не стану объяснять, почему это чушь, не хочу обижать читателя. Но в подобных выступлениях говорилось также о том, что сейчас начали сочинять “миф о Гайдаре”, приписывать ему достижения, которых не было. Уверен, что я числюсь среди тех, кто этот “миф” сочиняет. На самом деле я просто отдаю должное человеку и другу, которым наша страна может гордиться, как гордятся названными выше людьми их страны. Но в чем же дело? Ведь нам так нужно чувство уверенности в своих силах, необходимое, чтобы ответить на вызовы, с которыми ныне сталкивается Россия. Питается же это чувство, в частности, знанием, что в нужный момент наш народ способен выдвигать незаурядных людей, сочетающих кругозор, обширные знания, умение использовать их для правильной оценки ситуации с решимостью, нестигаемой волей действовать, когда судьба сделает свой выбор.

А дело в том, что в отличие от тех, кому он равен по рангу значимости, Гайдар не достиг успеха. Таково мнение большинства сограждан, в действительности уже сегодня пользующихся результатами гайдаровских реформ. Но они говорят, что ныне в России от реформ выиграли только богачи, те, кто приватизировал бывшую государственную собственность за бесценок или вообще украл ее. Основная же масса народа живет бедно, не имеет денег для покупки всех товаров, выставленных в магазинах, заработки большинства невелики. Ему недоступны приличное жилье – квартира, дом,

хотя бы много меньший, чем вилла олигарха на Рублевке. Огромные различия между богатым меньшинством и бедным большинством, разделенных друг от друга высоким забором, оставляют ощущение, что реформы принесли в общество несправедливость. Ведь невозможно, рассуждает большинство, честно заработать столь большие состояния в столь короткий срок! Кроме того, в советское время все построенные заводы работали, люди имели работу и какие-никакие заработки. А сейчас большинство заводов стоит.

Все это, почти все – правда. Но почему так получилось? Коротко и убедительно объяснить причины – крайне трудно. Я мог бы сказать, что Гайдар здесь ни при чем, что это положение сложилось после его ухода из правительства. Но я этого не скажу: это было бы неверно. Усиление неравенства в обществе и остановка многих советских предприятий, неконкурентоспособных после открытия экономики, были заложены в идеологию реформ.

Экономическая свобода неизбежно приводила к расслоению на тех, кто был склонен к бизнесу, готов рисковать, и тех, кто больше ценил спокойствие, предпочитал быть ведомым. В этом разделении – одна из целей реформы, ибо она должна была повысить динамизм и гибкость экономики, возродить естественные стимулы к труду и инициативе. Могли возникнуть крайности; они и возникли. Но в конечном итоге экономическая свобода повышает эффективность, улучшает положение всех членов общества. Это доказано опытом многих стран. Советский же опыт противоположного свойства был уникальным и неудачным. Что касается остановки производства на массе бывших советских заводов, то это тоже было неизбежно. Глубокая структурная перестройка экономики была абсолютно необходима, ее сложившаяся структура с предельной милитаризацией, низким качеством продукции – одна из причин приближающегося краха. Можно было выбирать только между быстрой или постепенной реструктуризацией. Жалко людей, да! Но если вы лишь откладываете необходимые меры, то завтра людей станет еще жалче и вы начнете думать: не лучше ли было не откладывать?

В том то и дело, что к концу 1991 г. надо уже было принимать такие меры, которые создавали для людей серьезные и долгосрочные трудности. И только такие меры могли привести к успеху. Но правильность такой политики становится очевидной для всех не тогда, когда ее творцы успевают искупаться в лучах славы, а тогда, когда они уже ушли. Выходит, что отличие Гайдара от других значительных реформаторов XX в. не в том, что он не достиг успеха, а в том, что от него потребовались более сложные, более ответственные решения; не только умные, но и более мужественные. Мы сейчас видим, что время настоящего общепризнанного успеха еще не наступило. Пока в основном, как писал Н. Коржавин, “стаж работы в той области, где успех – неуспех”.

Но для людей понимающих уже сейчас очевидно, что Гайдар достиг успеха, причем огромного, в деле, которое он непосредственно делал, – проведении рыночных реформ. Сегодня в России рыночная экономика – факт. И это в России – стране особенно сложной судьбы, где за политику и формирование политической системы отвечали совсем другие люди, а взаимодополнение экономики и политики имело очень большое значение, где реформаторы получили столь деформированную экономику и общество, что нельзя было уверенно предвидеть последствия каких-либо действий! Читатель может сказать, что подобные утверждения были бы верны для любой страны. И будет прав. Я же постараюсь охарактеризовать ситуацию, в которой действовал Гайдар, и как прямой участник событий, и как человек, способный судить непредвзято, поскольку мы с Гайдаром стали друзьями только после главных его деяний.

Мы не были близки с ним до лета 1992 г., когда началась работа над программой углубления реформ. Мы были знакомы и уверены в близости взглядов по основным вопросам. Я писал статьи в журнал “Коммунист”, когда там работал Гайдар, но вместе работать не приходилось. Я не входил в московскую группу реформаторов, куда входили даже С. Глазьев и, кажется, академик Д. Львов. Можно сказать, до 1992 г. я входил в конкурирующую группу Г. Явлинского–Н. Петракова, в 1990 г. готовившую

программу “500 дней”. Более того, в августе–сентябре 1991 г. я был настроен резко против Гайдара и его команды из-за их позиции по поводу СССР, который безуспешно старался спасти. Так что я был свободен в выборе личной позиции относительно критически важных событий конца 1991 и 1992 гг.

До этого в течение 30 лет в силу образования (экономический факультет МГУ) и личной склонности я изучал советскую экономику и прошел путь от преданности коммунистическим идеалам до твердой уверенности, что советская экономическая система несостоятельна и рано или поздно рухнет.

В 1989 г. вышла моя книга “Хозяйственные системы и радикальная реформа”, над которой я работал более пяти лет. То было время, когда быстро развивались события, менялись мои представления и поэтому я все время менял текст. Начинал с поиска решений, которые могли бы сделать плановую экономику эффективней. Но в конце получилось противопоставление двух систем – плановой и рыночной, которая в то время, разумеется, так не именовалась.

Вывод у меня получился такой: обе системы целостны, то есть внутренне непротиворечивы, институты каждой из них взаимно дополняют друг друга (сейчас я бы сказал, что они комплементарны). Но поэтому эти две системы институционально разнородны и несовместимы: нельзя взять кусочек из одной, другой кусочек – из другой и выстроить оптимальную конструкцию на манер “Лего”. Точнее, есть единственное условие, при котором системы делаются отчасти совместимы – это равновесные цены. Но поскольку равновесные цены могут быть только при одной системе – рыночной, да и то не сразу, а когда ее структура и институты войдут в стационарный режим, то при переходе данное условие невыполнимо. Отсюда следствие: переход от плановой к рыночной экономике не может быть безболезненным, он будет сопровождаться тяжелым кризисом. Но отказаться от этого перехода нельзя, ибо в плановой экономике при тоталитарном политическом режиме происходит, начиная с известного момента, непрерывная деградация не только экономических и социальных структур, но и человеческих душ, важнейших мотиваций и ценностей. Чем скорее переход, тем лучше, хотя восстановление после кризиса начнется не сразу и будет долгим. Решиться на подобные преобразования, взять на себя ответственность за них – невероятно тяжело. Особенно если все заранее знать.

Это сейчас я легко вывожу такие строки. Но мысли, выраженные в них, вынашивались крайне непросто. Ныне можно сказать, что мои выводы оправдались, даже слишком точно. Но это все продумано до начала главных событий и отражено в книге 1989 г.

Вы спросите у меня, а при чем здесь Гайдар? Очень даже при чем! Он начинал реформы, не полагая, что все обойдется легко и просто. В конце октября 1991 г. у меня была встреча с Гайдаром. Я надеялся получить разъяснения по поводу его планов, включая судьбу СССР. На мой вопрос Егор ответил: “То, что мы должны сделать, требует в качестве политических условий одно из двух: либо кровавая диктатура, которая сейчас в России к счастью невозможна; либо лидер с мощной харизмой, способный повести людей на тяжелое испытание и готовый на то, чтобы своей харизмой пожертвовать. К счастью, у нас второе условие есть, это Борис Николаевич Ельцин”.

Я привел здесь это высказывание Гайдара еще раз, потому что оно свидетельствует о том, как хорошо он понимал, на что шел. И он прекрасно понимал ситуацию, сложившуюся тогда в нашей стране, подтверждая те выводы, к которым я пришел ранее, совершенно независимо. До этой встречи у меня не было уверенности в том, что в России найдутся люди, способные взять на себя такой груз и выдохнуть, а если найдутся, то дадут ли им возможность взяться за эту адскую работу. Но ушел я с ощущением, что такая надежда появилась.

Иногда соратники и поклонники Гайдара высказывают мысль, что в тот период, учитывая катастрофичность ситуации, никто не брался за непосильную задачу ее изменения, перелома к лучшему. Не соглашусь, ибо знаю, что претенденты были, в том числе и такие, которые только желали занять высокий пост, но ни компетенцией, ни во-

левыми качествами, соответствующими сложности задачи, не обладали. Гайдар мало кому был известен, но Ельцин сделал лучший выбор, интуиция ему не изменила.

Уместен вопрос, связанный с уже известным результатом: почему в России кризис был едва ли не самым тяжелым? Упомяну только некоторые основные факторы. Во-первых, СССР – империя, которая проходила *crash-test*; события 1989 г. в Восточной Европе – тоже часть ее распада, когда прекратили свое существование СЭВ, Варшавский договор. Во-вторых, это была самая старая и ставшая канонической формой страна плановой экономики, где негативные тенденции набрали наибольшую силу: огромная индустрия, не способная эффективно работать, сельское хозяйство, не способное прокормить страну, подорванные естественные стимулы хозяйствования. В-третьих, это была самая милитаризованная из стран мира, приспособленная к мобилизациям в момент, когда ее мобилизационные способности никому не нужны. В-четвертых, произошло падение цен на нефть в момент, когда страна решила на перемены. (Читайте книгу Гайдара “Гибель империи”. И ведь низкие цены держались до 1999 г.!) В-пятых, в самом начале развития рыночной экономики разрушительные тенденции неизбежны. Становление предпринимательского класса происходит в условиях слабого государства, пережившего смену основных институтов. Стремление новых бизнесменов к накоплению богатств любой ценой, усиление социального цинизма естественны. Все это можно было предвидеть, но нельзя предотвратить. Надо было решать: стоит ли, зная это, начинать реформы? Для меня возможен только один ответ: стоит, обязательно, ибо это операция по жизненным показаниям. Как бы не поздно было уже тогда! Думаю, Гайдар согласился бы со мной.

Знаю, что многие, может быть – большинство, придерживаются иного мнения. И, зная это, я прихожу к крамольной мысли: слава богу, что их не спрашивали. Правда, поэтому мы и сегодня не имеем демократии, но в противном случае мы не имели бы ни демократии, ни рыночной экономики!

Таких условий для работы не имел никто из всех упомянутых в начале статьи “удачников”. Дэн Сяопин начинал после Мао, как Россия после Гражданской войны, ясно было, что свобода крестьянству даст эффект, индустрия была в самом зародыше и такого кризиса как в России 1990–1998 гг. быть не могло. Тэтчер действовала в условиях старейшей капиталистической экономики, в той ситуации требовался минимум институциональных изменений. Главная проблема – демократия: как справиться с парламентом, с профсоюзами, с общественным мнением? Мэгги справилась, это ее талант, выращенный в условиях свободы.

Эрхарду помогали военное поражение, американско-английские оккупанты, крупных институциональных изменений ему тоже не потребовалось. Но все же пять лет ушло, пока немцы убедились в его правоте. Судьба Бальцеровича ближе всего к судьбе Гайдара; его и сейчас в Польше недолюбливают, хотя успех “лошадиной терапии” признает большинство.

А теперь давайте подумаем непредвзято, как смотрится Гайдар на их фоне? Прошло еще мало времени, но, по-моему, – лучше всех. Сильнее, отважнее, справился с задачей непомерной сложности. Почти как Гриша Перельман, при том что и он не взял миллион. А мог бы!

И давайте не перекладывать на Гайдара то, что должны делать другие. Мы с вами. А ему – благодарный поклон.